

Л. М. Лойко, О. М. Фишман

Г. А. Никитин — ученый и собиратель

Георгий Александрович Никитин, первый заведующий секцией этнографии народов Поволжья Государственного музея этнографии (ныне РЭМ), родился 15 сентября 1908 г. в Санкт-Петербурге в семье священнослужителя. Насыщенная и возвышенная духовная жизнь семьи определила его дальнейший жизненный путь, короткий, но светлый и чистый. Прекрасное знание истории христианства и его распространения в России, а также глубокая вера обусловили его научные интересы: изучение дохристианских и домусульманских верований и религиозного синкретизма у разных народов России — карел, русских, азербайджанцев, удмуртов, чувашей.

В 1926 г. Георгий Александрович окончил полный курс единой трудовой школы в Ленинграде и поступил на среднеазиатский цикл этнографического отделения ЛГУ по специальности «Музейное дело». Еще в студенческие годы он работал в этнографических экспедициях: в 1929 г. — в Прионежском р-не Карелии; в 1930 г. — в Бакинском р-не Азербайджана.

В 1931 г. после окончания ЛГУ Г. А. Никитин был направлен на работу в Петрозаводск, где занял должность ученого секретаря Карельского бюро краеведения. Успешно справляясь с организационной и научно-методической работой, молодой ученый никогда не забывал о собственно научной деятельности. Знание немецкого и, отчасти, финского языков позволило ему ознакомиться с основополагающими трудами таких фольклористов и этнографов, как: Д. П. Европеус, У. Т. Сирелиус, В. П. Мансика, Ю. Айлио и др. и верно сориентироваться в региональной проблематике. Он активно изучал историю и этнографию карел и других финно-угорских народов края, а также русского населения, особенно поморов. Исследовательская позиция ученого относительно проблематики этнической истории Северо-Запада в определенной степени отразилась в следующих размышлениях: «... Исторические данные о расселении карел не позволяют нам ограничиваться только территорией Карельской республики, замыкаться в рамках современных государственных границ и указывают на необходимость изучения всего этого района как единого целого с одинаковым стадийным развитием, разумеется, с учетом местных конкретных вариантов. Таким образом, мы можем сопоставить явления надстроечного порядка, возникшие в Карелии, с материалами восточной Финляндии и ряда районов Ленинградской области».¹ Он был абсолютно прав, утверждая, что «установлению подлинного хода исторического процесса на северо-западной окраине Советского Союза» способствовало бы «детальное изучение вопроса о расселении лопарей в прошлом», которое, в свою очередь, «несомненно пролило бы свет на целый ряд явлений». И далее: «В прошлом на территории Карелии были предпосылки к взаимному влиянию ряда

этнических образований. Это обстоятельство сыграло большую роль и в развитии религиозной идеологии, обусловило религиозный синкретизм».²

Наладив обширнейшую корреспондентскую сеть в регионе, Георгий Александрович работал над темой «Жертвоприношения в Карелии», во многом «подсказанной» финскими предшественниками, а также материалами, собранными им самим и его корреспондентами.³ О скрупулезной работе Г. А. Никитина над избранной темой свидетельствует его личный архив, включающий обширную библиографию, многочисленные выписки из работ известных историков, этнографов, исследователей духовной культуры; статей краеведов, опубликованных в местных журналах и газетах — «Олонецких губернских ведомостях», «Олонецких епархиальных ведомостях» и многие другие источники. Будучи профессионально подготовленным специалистом, Никитин использовал в работе солидный сравнительный материал по изучению русских, карел, финнов, саамов, коми. Благодаря обширной сети корреспондентов, он собрал еще не упоминавшиеся в литературе того времени сведения, свидетельствовавшие о степени сохранности архаичных обрядов, например, так называемых «бараньих праздников» первой трети XX в.

Вот что пишет собирателю один из его корреспондентов, К. Д. Андриянов, из карельского села Поньгома: «Многоуважаемый Георгий Александрович, шлю Вам привет со всем моим семейством. Затем пишу о нашем *бараньем воскресенье*, как его у нас называют. Это после Ильинской пятницы, ну так около 20 и до 25-го июля. Брали попа, служили обедню и молебен. Святили суп и квас, потом продавали за деньги в пользу церкви. Началось это более 140 лет тому назад. <...> С утра мужики били баранов, а ребята собирали котлы для варки мяса, один из стариков сидел у лохани с супом и чумичкой <...> После обедни служили водосвятный молебен, святили суп и квас и тогда после этого ели...»⁴.

Необходимо отметить, что ученый и сам неоднократно посещал р-ны Карелии, где существовали подобные культовые места. Им было выявлено и учтено более 30 населенных пунктов, в которых еще в 1930-е гг. в трансформированном виде продолжали совершать жертвоприношения, обычно приуроченные к памятным дням христианских святых: Ильи-пророка (20 июл. / 2 авг.), свв. мчч. Флора и Лавра (18 / 31 авг.), св. вмц. Анастасии (22 дек. / 4 янв.), св. Пахомия, св. прп. Макария Унженского и Желтоводского (25 июл. / 7 авг.), свв. мчч. Модеста (15 / 28 июн.), Власия (11 / 24 февр.); свт. Иоанна Златоуста (14/27 сент.). Вот выписка из черновиков ученого: «Занимаясь исследованием верований карельского и русского населения южной части Карелии, мы замечаем множество религиозных представлений, обычаев и обрядов русско-карело-финских, дохристианских и христианских, которые образовали нечто целое, сложное, что сохранилось до настоящего времени».⁵ Работа, начатая еще в ходе студенческой экспедиции 1929 г. в Заонежье, проводилась Г. А. Никитиным с ясным и глубоким осознанием сложнейших этнокультурных контактов в регионе, с привлечением широкого круга исторических документов. Размышляя о природе жертвоприношений, он полемицировал с Д. К. Зелениным, предложившим классификацию коллективных пиров — братчин по принципу «смены занятий населения»: братчины скотоводов, куроводов, земледельцев, пчеловодов и виноделов.

«Вряд ли подобная классификация может быть удовлетворительной», — пишет Никитин. — *Автором не учитывался удельный вес скотоводства или земледелия в крестьянском хоз[яйст]ве того или [того] р[айо]на, отсюда им допущено неточное*

утверждение, что „на земледельческой братчине нет жертвенного животного“. В ряде пунктов Карелии мы увидим, что убой скота существует наравне с тивоварением и приготовлением каши. Это положение объясняется параллельным развитием скотоводства и земледелия в Карелии в охотничьем и скотоводческо-земледельческом хозяйстве. Мы должны рассматривать их неотрывно с общим ходом развития религиозных верований <...> Не случайно, как мы видели выше, церковь восставала против проявления старых народных верований. Ей пришлось выдержать с ними многовековую борьбу, в результате которой ряд древних обрядов получил христианскую окраску или же был вытеснен христианством и обратно. Ряд христианских обрядов воспринял архаические черты. Эта борьба чрезвычайно наглядно вырисовывается при анализе развития именно жертвенных обрядов. Постаремся это доказать.⁶

На ранней ступени жертвоприношения на карельской территории мы должны, по-видимому, рассматривать как умилоствление духов-хозяев при испрашивании от них добычи... Устраивались они в местах обитания этих духов: в лесу, на болоте, на берегу озера, на острове. О древних местах культа на северо-западе Европы имеется ряд известий, свидетельствующих об их широком распространении. В работе Снегирева мы находим указание, что „в Карелии недалеко от Выборга есть гора каменная, сльвущая у финнов *Turjän wuori*, т. е. гора Тура, или Тора, прославляемого в некоторых финских и русских песнях и столь известного в скандинавской мифологии. Как на юге России ведьмы слетаются на Лысую гору под Иванов день, так, по мнению финнов, в ночь на Светлое Воскресенье они уносят собранную ими шерсть и хвосты на высокую гору, называемую по-фински *Bläkulla*, или *Blocksberg*, — островок, находящийся в Кальмарском проливе“ (Снегирев И. Русские простонародные праздники и суеверные обряды М., 1837. Вып. 1. С. 92). ...Здесь же уместно вспомнить известное сказание о Конь-камне, лежащем на Ладожском озере на острове Коновец, которому в XV в. ежегодно приносили в жертву коня (Там же. С. 15).⁷

Читая материалы из личного архива Г. А. Никитина, остается сожалеть, что большая работа, по теме «Жертвоприношения в Карелии» не была им завершена и подготовлена к изданию. (См. публикацию в настоящем сборнике).

Георгий Александрович в те годы много времени и сил отдавал собирательской и исследовательской деятельности, посвященной актуальным для данного региона темам: «Промысел морского зверя» и «Тивдийские мраморные разработки (современное состояние)».⁸

В 1934 г. Никитин по приглашению ЭО возвратился в Ленинград для работы над новой выставкой «Ленинградская область и Карелия» и сразу погрузился в научно-исследовательскую работу. Уже в августе–сентябре 1934 г. он предпринял длительную поездку в целях сбора фактического, вещевого и иллюстративного материала для строящейся в музее выставки. Чтобы представить, насколько насыщенной была работа этой экспедиции, достаточно обозначить ее маршрут: Ленинград–Петрозаводск–Шусерское–Кемь–Гридино–Польгома–Кандалакша–Мурманск–Кондопога–Архангельск–Зимняя Золотина–Архангельск–Ленинград. Во время этой экспедиции была приобретена довольно большая и интересная коллекция по темам «Рыболовство» и «Охота на морского зверя»; среди экспонатов присутствовали утварь, привезенная русскими промышленниками из Норвегии, промысловая одежда и оружие для охоты на морского зверя. Наряду с этим Г. А. Никитин собирал фактический материал о развитии рыболовного промысла на Белом море, формах пользования

рыбными угодьями, появлении на Русском Севере крупных промышленников, их связях с Архангельском, Санкт-Петербургом, Норвегией; были сделаны описания, рассказывающие о промысле морского зверя. Столь значительные результаты прежде всего объясняются тем — и это следует подчеркнуть, — что сбор информации осуществлялся Никитиным в русле сформулированной им индивидуальной темы «Капитализация ловецкого хозяйства в Поморье». Приступив к работе над экспозицией, он столкнулся с весьма слабой изученностью проблематики поморского рыболовства. Совершенно справедливы его замечания по поводу того, что «интересующий... вопрос затрагивался или слишком поверхностно, или слишком кратко, если исследование было естественно-исторического порядка, и в целом в нашей науке еще не изучен».⁹ В связи с этим ученый разработал соответствующую исследовательскую программу, давшую вполне конкретные вещественные и документальные результаты по Кемскому и Сорокскому Поморью. Подобная методика и принцип работы свидетельствуют о высокой профессиональной деятельности Никитина. Так, изучение материалов архива г. Архангельска, предпринятое в ходе экспедиции, дало, как пишет исследователь, «ряд совершенно новых фактов, характеризующих своеобразную форму эксплуатации, так называемую „покрутчину“, относящихся к XVIII веку». Наряду с полевой этнографической и архивно-разыскательной работой им «было проведено обследование и собраны дополнительные материалы по Зимнезолотницкой археологической стоянке».¹⁰ В цитируемом отчете весьма симптоматичны беглые упоминания о другой сфере интересов: это «случайное приобретение» медных вериг из Выговской пустыни — некогда известного на всем Русском Севере старообрядческого центра — и «внеплановые» материалы, «главным образом, по верованиям».¹¹

В течение осени 1934 г. Г. А. Никитин работал также в ижорских и финских деревнях Кракольского с/с Кингисеппского р-на Ленинградской обл. Основная цель экспедиции оставалась прежней: поиск и приобретение для будущей выставки отсутствовавших в музейном собрании экспонатов по рыболовству. К сожалению, не сохранилась привезенная Георгием Александровичем рыбацкая будка, использовавшаяся во время подледного морского лова, вокруг которой на выставке был развернут комплекс, посвященный «ловецкому промыслу».¹²

Экспедиционная работа в Карелии была продолжена летом 1935 г. В Шелтозерском р-не Георгий Александрович посетил Шокшинские кварцевые разработки, где он получил интересные материалы по современному состоянию дел на этом производстве. В Кондопоге им вместе с сотрудницей музея М. Ю. Пальвадре были приобретены экспонаты для строящейся экспозиции: часть избы, встроенная и подвижная мебель — «фундук к печке, лавки, воронцы (доски — полки под потолком), стол, многие предметы утвари, <...> волокуша, упряжь полная, дуги, сани <...> из одежды — полный комплект мужской одежды колхозника (бригадира), женщины-колхозницы — старухи, ... комплект старой одежды лесоруба дореволюционного времени, домотканой мужской одежды, материал, 2 рубашки мужские. Итого — 17 предметов одежды...»¹³ Этот отрывок из отчета М. Ю. Пальвадре мы привели не случайно: в нем достаточно ясно запечатлена обстановка 1930-х гг. — времени, когда этнографы прежде всего были обязаны изучать новую социалистическую деревню. Именно поэтому в планы командировок входило изучение национально-культурного строительства, обследование колхозов. Вот что пишет об этом Г. А. Никитин: «...Мною было

обследовано два лучших вепсских колхоза — Вехручейский и Другорецкий, по которым сделан и ряд фотоснимков. Кроме того была посещена гончарная артель „Красный вепс“, в которой приобретен для музея ряд гончарных изделий».¹⁴ письменные приборы, пепельницы, игрушки, утварь. В Тивдии были собраны дополнительные фактические материалы о современном состоянии работ кустарей-мраморщиков и соответствующие экспонаты, а также «материал по вышивке и набойке, дополняющий музейные коллектив».¹⁵ Многие из упомянутых экспонатов неоднократно демонстрировались на выставках, а коллекция № 5799 из 114 предметов хранится ныне в русском и отчасти карельском фондах РЭМ.

Но, как всегда, помимо обязательных плановых тем, Г. А. Никитин уделил должное внимание теме «Верования». Во время экспедиции 1935 г. он собрал довольно значительный фактический и вещевой материал по старообрядчеству, что подтверждает выписка из его дневника и отчета: «Была проведена интересная работа по изучению современного состояния старообрядчества (беспоповского толка), для чего мной был посещен бывший Пертозерский скит. Кроме крайне любопытного фактического материала мной был приобретен и вещевой материал: полная мужская и женская молитвенная одежда и культовые предметы, и старинная рукописная книга „Ермосы“ — старообрядческие ноты. Во время пребывания в Пертозере мною были осмотрены старинные иконы (XV–XVII вв.), бывшие раньше в молельной, ныне закрытой. Не имея возможности получить их для музея на месте (т.к. они описаны), я обратился с ходатайством в РИК о разрешении передать некоторые из икон, любопытные по сюжету и письму, в музей».¹⁶

Продолжая работать в секции Карелии и Кольского полуострова, Никитин уже знал, что его дальнейшая судьба будет связана с изучением быта и культуры чувашей, одного из интереснейших в этногенетическом плане народов Поволжья. Он кропотливо исследовал фонды народов Поволжья и Приуралья, распределенные по разным секциям музея: большая часть хранилась в секции русской этнографии, коллекции по башкирам и татарам — в фондах Средней Азии.

Уже в 1937 г. Георгий Александрович совместно с Т. А. Крюковой предпринял свою первую поездку в Марийскую и Чувашскую республики. Приобретенные там экспонаты позволили 1 мая 1937 г. открыть выставку «Искусство народов Поволжья». В соответствии с тематико-экспозиционным планом, созданным Никитиным и Крюковой, на этой выставке впервые в музейной практике было показано традиционное и современное искусство поволжских народов: вышивка, ткачество, резьба по дереву, плетение из бересты, луба, изделия ибренских керамистов и марийских мастеров по изготовлению тростей. Выставка привлекла внимание многих, так как экспозиция, посвященная народам Поволжья, в 1933 г. была демонтирована, в связи с чем в последующие годы посетители музея не имели возможности ознакомиться с культурой народов региона.

В 1938 г. Г. А. Никитин стал первым заведующим секцией народов Поволжья, о чем свидетельствует приказ директора музея Е. А. Мильштейна от 6 апреля 1938 г.: «В соответствии с утвержденной Наркомпросом РСФСР структурой Гос. Муз. Этнографии в составе отдела народов РСФСР создаю секцию „Народов Поволжья“ со штатом: стар. науч. сотр. тов. Никитина Г. А. — зав. секцией, мл. н. сотр. Крюковой Т. А. и одного научно-технического сотрудника. В связи с этим тов. Никитина Г. А. с 10 апр. с. г. освободить от работы в секции народов Карелии и Кольского полуострова». В 1940 г. секция народов Поволжья официально получила статус отдела.¹⁷

Георгий Александрович приступил к работе во вновь созданном отделе, имея прекрасную теоретическую и практическую подготовку. Работы было чрезвычайно много, и как опытный полевой исследователь и собиратель Никитин понимал, что начинать работу необходимо с систематизации и приведения в порядок фондов. Очень важной задачей было также дальнейшее формирование коллекций, заполнение существующих лакун в собрании. Это было необходимо и для выявления научной значимости имеющихся материалов, а также для показа вновь приобретенных вещей на открывающейся новой экспозиции «Народы Поволжья».

Началась активная переписка с многочисленными корреспондентами и подготовка базы к следующим экспедициям 1938, 1939, 1940 гг. За этот период исследователь предпринял три двухмесячные поездки, работал в 11 районах Чувашии. Помимо ценного фактического материала по ряду этнографических тем он собрал 8 интересных коллекций (№№ 6105, 6152, 6215–6217, 6326, 6328, 6394), которые содержат 346 предметов.

Георгий Александрович всегда очень внимательно выбирал маршруты будущих экспедиций, анализировал уже имеющиеся в фондах коллекции в целях выявления тематических, предметных, хронологических лакун. Особенно тщательно он изучал материалы (фактические, иллюстративные и вещевые), собранные на территории Чувашии такими известными исследователями, как И. К. Зеленов, Т. М. Акимова и др. Для подтверждения возникших у него научных гипотез он считал необходимым некоторые районы обследовать повторно. Так, в экспедиции 1939 г. Никитин заново прошел некоторые пункты маршрута И. К. Зеленова, что дало ему возможность сопоставить собранный материал с вещами, приобретенными этим ученым в 1913 г. Анализируя источники, характеризующие одежду населения Вурнарского, Мар-Посадского, Чебоксарского р-нов, и сравнивая их с предметами из собрания И. К. Зеленова, Никитин пришел к предварительному выводу о том, что костюмный комплекс данного ареала является наиболее архаичным вариантом одежды чувашей и, возможно, единым для всех чувашей в прошлом, что в дальнейшем подтвердилось послевоенными экспедиционными исследованиями Т. А. Крюковой уже после смерти Георгия Александровича.

Особой сферой интересов Г. А. Никитина были верования чувашей. Им были собраны уникальные материалы по этой теме. В экспедиции 1939 г. в д. Карглуево Козловского р-на Георгий Александрович приобрел *херт сурт суйси* — высокую долбленную кадушку из липы с деревянным вставным дном и лубяной крышкой для жертвенного приношения духопокровителю дома и семейного очага (по религиозным представлениям чувашей, липа — дерево, характеризующее женское начало, а дуб — мужское). В ней находились жертвоприношения *херт сурт* — мешок со старинными предметами одежды — *масмаками* (начальниками), девичьим головным убором *тукъя*, вышитыми нагрудными заготовками для рубах *кеске*, поясными украшениями. Среди жертвоприношений были также монетки разного достоинства и обрядовое печенье. По представлениям владельцев кадушки (что явствует из записей Георгия Александровича), она считалась также жилищем *херт сурта*. Никитин сравнивает данный предмет с *вориудным коробом* удмуртов, который так же, как и *херт сурт суйси*, считался местом обитания покровителя рода и семьи, и одновременно вместилищем для жертвоприношений во время молений. Подобно удмуртскому *вориудному коробу*, находившемуся в *куале* — помещении для молитвы и сохранявшемуся женщиной,

чувашская *херт сурт суйси* передавалась по женской линии. Чувашки считали, что *херт сурт* — женский дух; этим, вероятно, и объясняется набор жертвоприношений, состоявших из предметов женской одежды. Жертвенную пищу этому духу приносила, как правило, хозяйка дома.

По просьбе Георгия Александровича один из его корреспондентов, в прошлом учитель, а позднее известный чувашский ученый Иван Юрки-Никитин прислал в декабре 1938 г. письмо со следующими сведениями о *херт сурте (сорт)*: «*Херт сорт* — это божество, живущее на печке, ему делают приношения, подобно умершим родителям. После отела коровы варят *эле ирри* (типа творога) из первых удоев молока и бросают на печь. *Херт сорт* покровительствует женщине. При выходе замуж он переходит с ней в новый дом следующим образом: выходя замуж, девушка берет кусок глины от печи из дома отца, а в доме мужа кладет его также на печь. От перехода *херт сорт* зависело счастье женщины. Если ей суждено быть счастливой считалось, что *херт сорт* перешел в дом будущего мужа за 3 года до свадьбы, если несчастливой — три года спустя».¹⁸ К сожалению, эту интересную информацию Георгий Александрович не успел использовать в своей диссертационной работе.

Кроме того, материалы, полученные Георгием Александровичем в других районах (Козловском и Ядринском), вскрывают более древний пласт в верованиях чувашей. По словам Г. А. Никитина, «они позволяют видеть в *херт сурте* черты предка-родоначальника. В частности, приношения ему приурочивают ко дню приношений умершим родичам. В дни поминовения умерших родителей за стол приглашают и *херт сурта*, иногда ему бросают за печку еду, предназначенную умершим предкам, со словами: „Это Вам, деда, ешьте и нам не вредите!“».¹⁹ Экспедиционная находка и полученная Г. А. Никитиным информация (на наш взгляд, уникальная) стали первым достоверным свидетельством того, что представления о *херт сурте* связаны с культом предков и почитанием умерших.

Объясним и характер приношений *херт сурту*. Одежда в качестве жертвы, по-видимому, аналогична приношениям ее на могилу в дни поминовений. Недаром все предметы, положенные в *суйси*, — это девичья и женская одежда. «Считается, что *херт сурт* — дух женского пола. Почти повсеместно он изображается как женщина или девушка в белом одеянии».²⁰

Как уже упоминалось, особенно углубленно и кропотливо Георгий Александрович работал в экспедициях над темами «Одежда» и «Погребальные и поминальные обряды», причем материалы последней он предполагал использовать в своей диссертации «Чувашские надгробья как пример антропоморфных изображений в похоронном обряде (опыт анализа)». Он доставил в музей такие уникальные экспонаты, как *юбы (юфы)* — намогильные именные памятники, мебель, утварь для поминовения, поминальную пищу. Если внимательно проанализировать все материалы, собранные Георгием Александровичем, то можно увидеть, что и вещевые, и фото-, и другие фактические материалы составляют единый культурный комплекс. Отметим и следующий немаловажный факт: Никитин приобрел вещественные материалы для будущей экспозиции практически по всем этнографическим темам, включая такие специфические, как производство *нохраток* (специальных жетонов), а также уникальные культовые раритеты. В собрание музея поступили музыкальные инструменты, предметы народного искусства (образы вышивки, узорного ткачества, шитья бисером), образцы современного керамического промысла, предметы, относящиеся к народным знаниям. Во время экспедиций Г. А. Никитин собрал уникальные сведения о системах родства, родовых знаках и поминально-погребальной обрядности чувашей, особенно некрещеных. Приведем интереснейшие фрагменты из экспедиционного отчета:

«Наряду со сборами вещевого материала проводилась и научно-исследовательская работа, причем часто зафиксированные факты были связаны, как это можно усмотреть из изложенного выше, с приобретенными экспонатами.

В этом году продолжались сборы материала по моей научной теме, связанной с изучением чувашской вышивки. Записывалась терминология вышивки, выяснялись вопросы генетики, локализации отдельных орнаментальных композиций, в частности, нагрудной вышивки на женских рубахах „кеске“, представленной в собраниях музея значительным количеством образцов, и т. д.

Следующим вопросом работы было изучение родственных отношений у чувашей. Мною проводилась запись терминов родства. Записано свыше 100 терминов. Этот вопрос в специальной литературе почти не освещен, между тем он представляет большой интерес. У чувашей при анализе родственных отношений выявляется роль дяди с материнской стороны. Термином „кокки“ называют не только родню брата матери, но и всех мужчин в ее деревне. Это положение нашло свое подтверждение в фольклоре. Существует поговорка: „В деревне матери и собаки приходятся тебе дядями“. Наблюдается различие терминологии при личном обращении к дашному лицу и заочном, когда о нем идет речь. Наблюдается различие в терминах родства в зависимости от возраста родича и т. п.

В связи с этой темой продолжался сбор фактического материала по родовым знакам чувашей. Зафиксировано значительное число знаков и их осмысление. Собирается топонимический материал, позволяющий проследить характер расселения чувашей и вскрывающий некоторые родовые моменты. При приобретении бирок были записаны сведения о переделе земли в прошлом. В связи с этим стоят материалы, характеризующие классовое расслоение в чувашской деревне в годы Столыпинской реформы, записанные в селении Большие Атмени от участников атменевского восстания в 1913 г. Записан значительный материал по верованиям чувашей. В частности, меня интересовали мало изученные вопросы, развития религиозной идеологии, например, связанные с чувашским колдуном „иомыс“ – „иомзя“. Позднейшее осмысление „иомзи“ как знахаря, завуалировало его жреческие черты, исследование которых имеет большой интерес при выявлении пережитков шаманства у чувашей. По этому вопросу мною записан ряд интересных подробностей. Укажу, например, на сведения об одежде и атрибутах „иомзи“. „Иомзя“ надевал вывернутую мехом наружу шубу и шапку, к поясу подвешивал молотки, топорища, сучья причудливой формы, напоминающие животных, кисет с табаком и обязательно что-нибудь медное. Отмечен факт состояния экстаза у „иомзи“. Интерес представляет подробное описание похоронного обряда и свадьбы, записанные у не крещенных в прошлом чувашей Янтиковского района. Некоторые особенности похоронного обряда, записанные в д. Латышево, не отмечены в существующих работах. Они объясняют также ряд моментов, связанных с антропоморфными надгробными памятниками чувашей, так называемых „юба“. Записи удалось произвести от 80-летнего старика Бикмулина, который хорошо помнит старый обряд.

Собранный вещевой материал и записи, связанные с культом „ереха“, дополняя материал прошлых лет, позволяет вскрыть некоторые интересные особенности культа, не отмеченные исследователями раньше.

Анализировать собранный в процессе исследовательской работы материал в данном кратком предварительном сообщении я не имею возможности и потому позволю себе ограничиться этими сведениями сугубо отчетного порядка».²¹

При определении маршрута Георгий Александрович старался обязательно включать населенные пункты, где проживали некрещеные чуваши. Так, например, в Янтиковский р-н, где их проживало больше всего, он возвращался неоднократно, и столь пристальное изучение позволило ему сделать выводы, о том, что чувашаи этой локальной группы явились основным этноформирующим ядром нации.

Во время последней в своей жизни экспедиции в 1940 г. Г. А. Никитин провел почти тотальное обследование северных, центральных и восточных р-нов Чувашии, и, кроме того, совместно с Т. А. Крюковой он посетил г. Козьмодемьянск Горно-Марийского р-на Марийской Республики, чтобы оказать методическую помощь местному краеведческому музею. Отчет исследователя за тот период содержит основные итоги проделанной громадной работы.

«Поездка, осуществленная мною летом текущего года в Чувашскую АССР, является продолжением работ по сбору материала по этнографии чувашей, начатых с 1938 г. Эта работа, как и предшествовавшие поездки, имела цели приобретения коллекционного этнографического материала для Музея этнографии и проведения соответствующей научно-исследовательской работы. В результате произведенного пополнения фонда секции Поволжья уже в 1939 г. явилась возможность создания тематической выставки „Образцы народного искусства чувашей и марийцев“. Перед поездкой этого года стояла задача пополнения существующей выставки.

Кроме работы в Чувашской АССР, было намечено посещение центра Горно-Марийского района Марийской АССР — г. Козьмодемьянска для оказания, совместно со старшим научным сотрудником Секции Т. А. Крюковой, помощи районному краеведческому Музею.

В соответствии с поставленными задачами был выработан маршрут: Ленинград—Козьмодемьянск—Чебоксары—Траки, с выездом в район — Аlikово, с выездом в район — Козловка с выездом в район — Янтиково, с выездом в район — Чебоксары—Ленинград. Этот маршрут и был осуществлен при поездке. В отдельных пунктах маршрута была проведена следующая работа:

г. Козьмодемьянск: была установлена связь с руководящими организациями Горно-Марийского района. Совместно с т. Крюковой было проведено ознакомление с экспозициями музея и сделаны соответствующие замечания. Кроме того, в Музее было проведено совещание с участием представителей от райкома партии, райсовета и др. организаций, на котором были обсуждены основные вопросы музейной работы Горно-Марийского музея и, в частности, поставлен вопрос о его ремонте, перепланировке экспозиции, организации хранительской и политико-просветительной работы. Одним из вопросов, выдвинутых по нашей инициативе, был вопрос об охране памятников искусства, старины и революции. Причем нами была оказана практическая помощь при составлении списка памятников, подлежащих охране.

В г. Чебоксарах, столице Чувашской АССР, в руководящих организациях, а также в Чувашском научно-исследовательском институте истории, языка и литературы и Центральном краеведческом музее были обсуждены задачи предстоящей поездки и маршрут.

В краеведческом музее я ознакомился с новым материалом, поступившим с закрытой перед моим приездом республиканской выставки, посвященной XX-летию чувашской автономии. Экспонатов, необходимых для Музея этнографии, поскольку выставка носила комплексный характер, обнаружено не было. По экспозиции музея, по просьбе сотрудников, мною были сделаны соответствующие замечания.

Кроме указанного, в Чебоксарах мною было написано несколько заметок в местные газеты о поездке и статья в труды Научно-исследовательского института о работе секции Поволжья Музея этнографии.

с. Передние Траки — районный центр ныне Красноармейского района. В прилегающих деревнях собирался материал вещевой и фактический, характеризующий быт и особенности населения северной группы чувашей, которая не была охвачена исследованием в предыдущие поездки.

Аликово — центр Аликовского района. Из Аликова были сделаны выезды в окрестные деревни. В целях изучения классового расщепления чувашского крестьянства в дореволюционную эпоху, были посещены два пункта соседнего Советского района, из которых с. Б. Атмени, являлось центром крестьянского восстания в 1913 г. Были записаны воспоминания участников восстания и произведена фотосъемка. О работе в Аликовском и Советском районах были написаны 2 информационных заметки в районную газету.

с. Картауево Козловского района. Работа проводилась в основном в колхозе „Динамо“, который в течение ряда лет относится к числу лучших колхозов Чувашии. Был собран фактический цифровой и вещевой материал, дополняющий сведения прошлого года, дающий современную характеристику колхоза и свидетельствующий о его росте. Было произведено также фотографирование отдельных производственных и бытовых моментов. В фиксации фактов было обращено особое внимание на колхозный быт, жилище, одежду, пищу, распорядок дня колхозников, грамотность, отдых, увеселения. Были сделаны также выезды в близлежащие деревни. Наряду со сбором материала по современности, был приобретен вещевой материал и по дореволюционному прошлому.

Янтиково — центр Янтиковского района. Были расширены исследования прошлых поездок и охвачены новые пункты. Этот район представляет большой интерес, так как в ряде его деревень сохранилось не крещенное в прошлом население. Проводились записи материала, характеризующие общественные отношения и верования старой чувашской деревни.

Янтиково было последним пунктом маршрута. По возвращении в Чебоксары были подведены итоги проделанной работы. О результатах поездки по предложению Дирекции научно-исследовательского института мною был сделан доклад на расширенном заседании ученого совета института.

В заключение работы мною была написана информационная статья в республиканскую газету. Закончив работу в Чувашии, через Козьмодемьянск я возвратился в Ленинград. После сделанной краткой характеристики проведенной работы в отдельных пунктах маршрута я ознакомлю более детально с отдельными разделами этой работы.

<...> Общее количество приобретенных предметов — 99. Всего на сумму 1.205 р. 53 к. Сбор вещевого материала проводился с учетом имеющихся музейных собраний. Причем, учитывая необходимость пополнения чувашского коллекционного фонда для комплексной

экспозиции в будущем, и, возможно, недалеко, собирался наряду с современным материалом и дореволюционный вещевой материал.

Из приобретенных предметов охарактеризую лишь некоторые, представляющие наибольший интерес.

Около деревни Хлесь Красноармейского района мною был обнаружен врытый в землю столб с доской, на которой сохранилась надпись, говорящая о количестве наличных и ревизских душ в данной деревне. Даты на доске указано не было. Один 80-летний старик сказал, что в детстве он видел, как подновляли (красили) столб. Доска же оставалась без изменений. Эта доска и была снята мною для музея. Интересно то, что этот „казенный столб“, как его называли сопровождавшие меня колхозники, осмыслялся старыми слоями населения деревни Хлесь как особенный, доказательством чего могут быть жертвенные деньги, которые часто находили около столба. Мне самому пришлось увидеть у основания столба пятачок. Беседуя со стариками, я выяснил, что раньше у деревень, население которых участвовало в крестьянских восстаниях, ставились, т. н. черные столбы. Сейчас эти столбы уже не сохранились, отношение к ним перешло на „казенные столбы“ того типа, что я обнаружил.

Большой интерес представляют деревянные бирки, применявшиеся при делении земли, приобретенные в д. Новые Игити... Красноармейского района. Это 5 палок длиной около метра, связанных между собой. Число 5 объясняется количеством деревень, составлявших Ямуззинское сельское общество. На одном ребре каждой бирки нанесено число мужских душ данной деревни, на другом – количество десятин земли, им отведенных. Данными бирками пользовались лет 60 тому назад. Земельные бирки в настоящее время в Чувашии встретить почти невозможно. В прошлые годы мною были приобретены податные и пастушьи бирки. Приобретение земельных бирок этого года делают коллекцию музея еще более полной.

При собирании различных хозяйственных предметов, орудий материального производства, утвари [и] т. н. мною было обращено особое внимание на подбор предметов, имеющих на себе знаки собственности и меты, наличие которых позволяет освещать наиболее трудные для экспозиционного показа вопросы социальных отношений. Ряд приобретенных предметов такие знаки имеет: к ним относятся меты кузнецов на косе, горбуше и заступе. Кстати, заступ чувашей очень интересен по своей архаичной форме, напоминающей алтайский „озуп“, что позволяет его отнести к весьма архаичной категории земледельческих орудий.

В д. Синерь Аликовского района был приобретен мною старинный музыкальный инструмент, т. н. пузырь, несколько отличный от имеющегося в собраниях музея. Пузырь был необходимым инструментом на свадьбе и похоронах. На празднествах устраивались соревнования между лучшими пузырьниками. Пузырники надеялись силой колдуна. В настоящее время пузырь остался довольно распространенным народным инструментом, который можно слышать на смотрах самодеятельного искусства и радиофестивалях.

Заканчивая обзор приобретенных предметов по дореволюционному прошлому, интересно отметить некоторые предметы, которые можно было бы выделить в группу единичных приобретений. К ним можно отнести коллективную курительную трубку из капа большого размера, огниво — кочедык, кожаную сумку дружки и нагайку жениха, применявшиеся в прошлом на свадьбах.²²

Во время этой экспедиции удалось собрать очень интересные материалы по многим темам, в том числе и верованиям.²³ Георгий Александрович привез экспонаты, равных которым не было в музейных коллекциях. Прежде всего необходимо отметить приобретенные им в Козловском и Аликовском р-нах, так называемые *йерех-парни* — кузовочки из вяза, служившие вместилищем для жертвоприношений *йереху*. *Йерех* — еще один персонаж чувашской мифологии, стоящий на иерархической лестнице рядом с *херт суртом* — домовым; он также считался покровителем семейного очага и был связан с почитанием душ умерших предков. Разница между ними заключается в том, что *херт сурт* — дух, живущий в доме, а *йерехи* бывают амбарные, озерные, это также покровители скота, лесов, оврагов и др. В кузовках находились следующие жертвенные предметы: ножницы, стрижка которыми символизировала хороший рост шерсти у овец, челнок от ткацкого стана (для преумножения холстов), лоскутки ткани, шерсть лося, раковины каури, обрядовое печенье, жестяные подделки монеток-*нохраток*.

В Аликовском р-не Г. А. Никитиным были также приобретены инструменты для изготовления нохраток — штампованных бляшек, употреблявшихся в качестве жертв. Они представляли собой молоточек и штамп, имитирующий изображение монетки на жести. Собиратель пишет: «Любопытно, что нохратки не продавались, что характерно для предметов культа, а выменивались, при этом если за них давали деньги, то никогда не устанавливалась точная цена. Продавец давал то количество нохраток, которое находил нужным дать покупателю. Профессия эта в прошлом была распространена. Интересно, что фамилия потомков таких торговцев (в разных местах) была образована из слова „нохрат“ (например, Нохраткины)».²⁴

Благодаря этим приобретениям и сведениям, полученным Георгием Александровичем, стало известно, что для *йереха* делали специальные треугольные жилища из луба — *йерех-кунта*, а также прямоугольные кузовки из вяза для жертвоприношений — *йерех-парни*. Из Траковского р-на им были привезены *хошпу* — женский головной убор (кол. РЭМ № 6326–390) и *теветь* — череплечное украшение (кол. РЭМ № 6326–40), являвшиеся жертвами *йереху*. Вот что пишет об этом Г. А. Никитин: «В д. Малая Вишера мне удалось приобрести старинный женский головной убор *хошпу* и украшение из бисера и раковин — *теветь*. Хошпу аналогичного характера в собраниях Музея не было. Интересно, что эти предметы, не употреблявшиеся в быту колхозников, стали осмысляться как предметы культа, в частности как жертва *йереху*, одному из персонажей старой чувашской веры. Поэтому владелица их, старуха, посылая сына показывать мне висевшие в углу амбара хошпу и теветь, запретила к ним прикасаться, что он и исполнил. Несмотря на то, что он бывал в городе и является одним из активистов колхоза».²⁵

В этой же экспедиции был приобретен комплекс предметов для лечения и предотвращения или устранения порчи. В отчете Никитина читаем: «В д. Раскильдино у колдуньи *йомзи* был приобретен маленький черпачок из сучка дерева с отверстием на дне. Его она употребляла при лечении болезни „живота“ Через отверстие пропускалась вода, которая, таким образом, получала якобы лечебные свойства».²⁶ Наряду с комплексом предметов народной медицины Г. А. Никитин собрал значительный фактический материал по лекарственным травам, включающий народную терминологию.

Эта экспедиция положила начало сбору экспонатов по современной этнографии чувашей и марийцев; ученым были приобретены интересные коллекции местных народных

промыслов: Чувашской вышивальной артели «Паха-тере» (букв. «Прекрасная вышивка»), ибресинских керамистов, резные трости горно-марийских мастеров. Обратимся вновь к отчету собирателя.

«Вещевой материал, характеризующий современность, представлен образцами современного народного чувашского искусства. В колхозе „Динамо“ Козловского района был приобретен мною деревянный оконный наличник – типичное украшение жилища колхозника данной деревни. Этот наличник имеет изображения пятиконечных звезд, а сверху он увенчан серпом и молотом. Интересно, что в этом новом наличнике, украшавшем дом колхозника Рускина, пятиконечные звезды исполнены той же техникой, которой вырезались солнечные знаки — розетки — „хвель терри“ на воротах и наличниках в прошлом. Чтобы владелец данного наличника колхозник Рускин отдал его в Музей, мне пришлось заказать для него новый. Украшения своих домов — подзоры и наличники колхозника делаются обычно белой [краской], и резьба выглядит новой, как только что сделанная.

Поездки прошлых лет позволили собрать в нашем музее наиболее полную в Союзе коллекцию лучших образцов современной чувашской вышивки.

В этом году были приобретены еще несколько новых образцов. Были получены скатерть, надиванная подушка, образец вышивки на оконной занавеске и таблица вышитых швов, освоенных артелями Чуваши.

Особенно интересна вышивка надиванной подушки. В ней наряду с использованием старых орнаментальных мотивов наблюдается новая тематика — броневики, удачно введенные в общую композицию орнамента. Таблица швов представляет большой интерес при сравнении современных работ чувашских вышивальщиц со старыми. Она свидетельствует о многообразии применяемых в настоящее время швов. Для уточнения вопроса о ценности для Этнографического музея таких предметов, какими являются современные национальные вышивки, исполненные мастерицами, объединенными в артели, позволю себе повторить сказанное в прошлом году. С нашей точки зрения, изделия кустарной артели или даже художественного комбината (вспомним привоз прошлого года из Узбекистана и Киргизии) для Музея этнографии не являются чуждыми, если они отражают национальные особенности искусства данных народов, характер орнамента, цветовую гамму и т.п., если они помогают установить связь современного искусства с художественной традицией прошлого. Ненужными для Музея этнографии будут предметы, имеющие интернациональный характер, которые могут иметь место в разных районах Советского Союза, например, некоторые предметы, относящиеся к так называемому ширпотребу. В качестве примера могут быть взяты ременные узкие пояса, называемые кавказскими, которые можно видеть во многих магазинах Ленинграда и др. городов, которые ничего общего не имеют с подлинными местными изделиями, встречаемыми, например, у народов Северного Кавказа.

Привезенные нами образцы чувашской и марийской вышивок являются музейными экспонатами. Они органически связаны со всем ходом развития искусства вышивки у данных народов. Если поставить вопрос о бытовании подобной вышивки в народной массе, то надо ответить утвердительно. В Чебоксарах чуть ли ни у каждого встреченного человека можно видеть платье или рубаху с новой вышивкой. В деревне они распространены меньше,

*т.к. это производство, достаточно трудоемкое, не покрывает спрос. Однако в колхозных клубах часто можно встретить портреты, орнаментированные вышивкой, а в колхозных столовых подобные же скатерти».*²⁷

При разработке концепции экспозиции «Народы Поволжья и Приуралья» Георгий Александрович проявил принципиальную гражданскую и научную позицию. Он убедительно доказывал, что на экспозиции должны быть представлены материалы, характеризующие культуру не только коренных народов Поволжья, но и других национальностей региона, в том числе немцев, живущих в Поволжье с XVIII в. Вот строки из докладной записки Георгия Александровича: «Полное отсутствие в музее коллекций по республике немцев-колонистов Поволжья ставит вопрос о необходимости сбора материалов, тем более, что включение этой республики в экспозицию „Народы Поволжья“ будет иметь помимо научного, еще и политическое значение».²⁸

За десять лет научной деятельности Георгий Александрович Никитин внес весьма значительный и еще не оцененный в достаточной степени вклад в российскую этнографическую науку и музееведение. Им были написаны следующие работы: «Чувашская вышивка», «Старообрядчество в Карелии», «Пиры — священные места мусульман», «Тивдийские мраморные ломки в Карелии».²⁹ Все они, к сожалению, не были изданы из-за начала Великой Отечественной войны. Из опубликованных работ назовем статью «Народное изобразительное искусство финнов-суоми (по материалам ГМЭ)»,³⁰ которая до недавнего времени оставалась единственной публикацией аналитического характера о музейном собрании по финской этнографии. В 1960 г. увидела свет монография-альбом «Чувашское народное изобразительное искусство», подготовленная к изданию соратником и женой ученого Т. А. Крюковой.³¹ В последние годы А. Г. Никитиным, сыном Г. А. Никитина и Т. А. Крюковой, в дар музею были переданы дневники, черновые записи, полевые заметки, письма корреспондентов, фотографии, а также незавершенные рукописи, в частности «Жертвоприношения в Карелии», «Анкета для сбора фактического и вещевого материала по похоронам и поминальным обрядам» и др., которые позволят более полно и объективно оценить творчество этого несомненно одаренного ученого.

Завершая первую, но далеко не полную статью о деятельности Г. А. Никитина, этнографа по призванию, прирожденного собирателя, замечательного музейного специалиста, подведем некоторые итоги его профессиональной деятельности. Прежде всего следует подчеркнуть, что в результате интенсивной собирательской работы в короткий срок (с 1934 по 1940 г.) им собрано для музея более тысячи экспонатов, включая фотоиллюстративный материал.

При его непосредственном участии были созданы выставки: «Ленинградская область и Карелия», «Северный край и Коми область», «Искусство народов Поволжья», «Образцы народного искусства чувашей и марийцев». Собранные исследователем необычайно ценные и разнообразные по содержанию чувашские коллекции использованы в монографической экспозиции «Народы Поволжья», построенной под руководством Т. А. Крюковой в 1953 г. и просуществовавшей до 1975 г., а впоследствии и при создании ныне существующей экспозиции «Народы Поволжья и Приуралья. Конец XIX — начало XX в.» и многих выставок. Уникальные памятники чувашской культуры из собрания Г. А. Никитина признаны исследователями одними из самых полноценных источников для изучения этнической истории, духовной культуры и этнокультурных контактов в Поволжье.

Следует особо подчеркнуть, что совместно с Т. А. Крюковой им была создана научная концепция работы отдела, определившая направление его деятельности на долгие годы.

Георгий Александрович ушел из жизни в блокадном Ленинграде в 1942 г., 34 лет от роду.

Примечания

¹ Архив РЭМ, фонд Г. А. Никитина находится в научной обработке; архивный номер не присвоен. Л. 73. (здесь и далее указываются листы рукописи).

² Там же, л. 72.

³ См. публикацию в настоящем сборнике.

⁴ Архив РЭМ, фонд Г. А. Никитина, л. 30–30об.

⁵ Там же, л. 5.

⁶ Там же, л. 82.

⁷ Там же, л. 83–84.

⁸ Архив РЭМ, фонд Г. А. Никитина. Черновики статей, подготовленных для публикации в 1941 г.

⁹ Там же, л. 49.

¹⁰ Никитин Г. А. Об экспедиционных работах Государственного Этнографического музея в 1934 г. // СЭ. 1935. № 1. С. 126.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Архив РЭМ, ф. 2, оп. 1, д. 532, л. 3.

¹⁴ Там же, л. 531, л. 1.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же, л. 2.

¹⁷ Крюкова Т. А., Никитин Г. А. Секция народов Поволжья в Государственном музее этнографии // СЭ: Сб. стат. М., Л., 1941. V. С. 168.

¹⁸ РЭМ. Архив отдела Поволжья (письма).

¹⁹ Архив РЭМ, фонд Г. А. Никитина, л. 10 (Отчет о работе зав. секцией народов Поволжья Гос. музея этнографии Г. А. Никитина, проведенной во время экспедиции в Чувашскую АССР летом 1940 г.).

²⁰ Денисов П. В. Религиозные верования чуваш. Чебоксары, 1959. С. 29.

²¹ Архив РЭМ, ф. 2, оп. 1, д. 796, л. 7–9.

²² Там же, л. 1–5.

²³ Никитин Г. А. Работа по этнографическому изучению чуваш в Государственном музее этнографии // Записки Чувашского НИИЯЛИ. Чебоксары, 1941. Вып. 1. С. 141–143.

²⁴ Архив РЭМ, фонд Г. А. Никитина, л. 5.

²⁵ Там же, л. 4в.

²⁶ Там же, л. 5.

²⁷ Там же, л. 5–6.

²⁸ Там же.

²⁹ Крюкова Т. А. Коллекции и экспедиционные исследования Г. А. Никитина в Чувашской АССР // Учен. зап. ЧувашНИИ. Чебоксары, 1969. С. 329.

³⁰ Никитин Г. А. Народное изобразительное искусство финнов суоми (по материалам Государственного этнографического музея в Ленинграде) // СЭ: Сб. ст. М., Л., 1941. V. С. 126–139.

³¹ Никитин Г. А., Крюкова Т. А. Чувашское народное изобразительное искусство. Чебоксары, 1960.